

Сергей ЗАЛЫГИН

«ПОСЛЕ БУРИ»

Роман. Издательство

«Советский писатель». М. 1982.

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ: ЛЮДИ, СУДЬБЫ

НЕ УКРЕПИЛОСЬ в сознании, не получило права гражданства в литературной науке и критике словосочетание «интеллектуальный роман». Показалось рискованным исключать из области интеллектуального все, что есть просто быт, просто человеческая психология. Ибо в настоящем искусстве изображение этих сфер одухотворено глубокой мыслью.

Ну, а все же, если сама мысль, то заполняющая все пространство мира, воспринимаемого в данные минуты человеком, то беспощадно прямая, то изворотливая, то, как рентгеном, просвечивающая собеседника, то слепо-беспомощно толкающаяся среди загадок жизни — если мысль сама становится основным предметом художественного исследования, разве тогда повествование не нуждается в специальном определении? В каком? Сейчас трудно сказать.

Начиная разговор о романе С. Залыгина, умолчать о Достоевском невозможно. Вполне вероятно, что писатель и удивится этому: помнится, в свое время он не разделял предположения одного из своих читателей насчет следования опыту автора «Преступления и наказания».

Может быть, тогда были сильнее иные традиции, да теперь-то вот именно эта.

Во-первых, не счесть в романе упоминаний имени Достоевского. Характерно, кстати, — это важно для выяснения специфики романа, — обращение в нем к идеологизированной стороне творчества Достоевского Ползаго, не случайно здесь и имя Плеханова, естественное в монологах и диалогах двадцатых годов.

Во-вторых, да откуда бы взяться в романе, как не от Достоевского, двойничеству — главной структурной черте главного персонажа, Корнилова на котором и держится весь сюжет, а без него сразу бы рассыпался!

И двойничество не внешнее: белогвардейский офицер, спасшийся благодаря присвоению чужих документов — другого офицера, умершего от тифа однофамильца, не только переживает страх быть разоблаченным. Нет, конечно, и этот страх, он всепоглощающ. И когда один из галереи «бывших» преследует своими прозрачными намеками нашего героя: вы роль себе назначили — играть в театр, изобразить другого человека, какого-нибудь незнакомца, однофамильца. — Корнилов кричит вне себя: «Вы подлинно сумасшедший!».

Но, как и в случае с Порфирием Петровичем, преследующим Родиона Раскольникова, страх главного героя, так сказать, многослоен. Содержание психологической ситуации не адекватно раскольниковской — понятно, что для большого художника

это невозможно, — но для сопоставления есть основания

Человек, с полубезумным садизмом пытающийся проникнуть в душу Корнилова, рождает в последнем не только осознание того, что собеседник пытается столкнуться в Корнилове двух Петров—Васильевича с Николаевичем, а еще вот что: нельзя отступить от спора, ибо «любое поражение и отступление живого Корнилова в тот же миг чисто механическим путем становилось победой Корнилова мертвого над живым, в тот же миг мертвый упрекал живого: «Скотина! Ну, присвоил себе мою женщину, ну, присвоил себе мою «Контору», присвоил всю мою жизнь, так хотя бы доказал, что достоин этого присвоения»

Такая вот психологическая конструкция «двойника»! И такой вот художественный тип поставлен в центр композиции романа! Целесообразен подобный выбор? Во всяком случае очень необычен и для нашей литературы о двадцатых годах, и для творческой практики С. Залыгина. И уж, безусловно, для него есть мотивировка.

Пропустить пестрый kaleidoscope лиц и событий первой половины двадцатых годов, времени «загадочного» нэпа, не через одностороннее сознание, не через схему, даже и правильную, не через одни восторги или, напротив, безоговорочную хулу, а через наблюдение изначально беспристрастного, а по мере вовлечения в происходящее человека, живущего не одним инстинктом самосохранения (но и им), способного к самоанализу, еще не потерявшего ощущение границ между

добром и злом, — словом, неоднозначного, как и само центральное историческое явление в романе, — это не ординарный замысел, в нем большие художественно-психологические возможности.

Избранный прием оправдал себя. Избежав соблазна стереотипности, писатель уже на этой стадии работы (завершена

первая книга) достиг многого в решении двуединой художественной задачи, которая диктовалась жанром и материалом: психологический роман и сущность нэпа.

Корнилов — вполне романтический характер. Стимулы, импульсы его поведения имеют свой психологический источник. Страх — это понятно: бывший белогвардеец, да еще страшась расплаты, — отсюда же его способность к социальной и житейской мимикрии: названный выше инстинкт самосохранения. Тут есть, возможно, лишь одна «нерасшифрованность». Только ли причудливо сформулированная совестливость «двойника» перед умершим однофамильцем существует у Корнилова? Как же он смог легко «отряхнуть прах со своих ног» — забыть о своей кровавой борьбе против тех, которые теперь великодушно впустили в свою жизнь «бывшего»? Эта страница биографии героя осталась как бы вне его самосознания. Но зато понятно, откуда у Корнилова, коллекционирующего, по его собственному признанию, типы «бывших», понимание их места в историческом потоке, да заодно и небезразличие к самому потоку. Рано возникшая духовность, не бог весть какая: идея соединения мысли с природой, идея «природности мысли» — то, что сделало Корнилова натурфилософом, приват-доцентом. В 14 лет — чтение книжки, которая уже одним названием проделала в нем огромную работу. — «История общественной мысли в России». Юноше мысль представлялась чем-то абстрактным и туманным, да это, может быть, и хорошо: она могла бы предстать чем-то конкретным, да скверным. Тут главное — природность, естественность мысли у человека вообще, возможно, в ней гарантия духовного возрождения человека, несмотря на трагические зигзаги его судьбы. С Корниловым именно тот случай

Создав такой художественный характер, писатель тем самым обоснованно предоставил ему «право» быть судьей и поверенным людской массы, текущей вокруг него и втягивающей его в свое движение. Не имело значения, кем он был в данную минуту: кустарем-веревочником, совладельцем буровой конторы, — люди, выделявшиеся в этой массе, шли к нему, раскрывались перед ним, являя поразительные по редкой индивидуальности внутренние миры

С. Залыгин никогда не признавал обезличенности как человеческой нормы. Поспешное знакомство с героями его «Комиссии» рождало у иных читателей предположение насчет их идеализированности. А писатель неизменно отвечал: в действительности сибирские крестьяне той поры были еще умнее и самостоятельнее в своих убеждениях.

Нет «сплошного» и в «После бури». Сейчас еще трудно судить о том, насколько органичны в сюжетной структуре романа те или иные персонажи, появляющиеся и исчезающие. Как правило, в них

нет «текучести». Цельность и законченность их внутренних состояний иногда устрашает (полковник Махов, расчетливо убивающий пришедших к нему красноармейцев), иногда укрепляет веру в человека (сестра милосердия Евгения Ковалевская).

Но указанная выше двуединая задача романа решается в изображении всех персонажей. Их психологизм вовсе не статичен, впечатление цельности возникает чаще всего после знакомства с их монологами и диалогами, аналитичными по своей сути, воссоздающими жизнь как бурное движение. Предмет споров — нэп по причине своей ошеломляющей неожиданности и непонятности как бы вызвал к предельной мыслительной активности и духовному самораскрытию. Историческая проблема становится воистину, как говорил Маркс, проблемой психологической.

Тут писателя ждали счастливые творческие открытия. Главное в этом смысле, конечно, Корнилов, но и сопутствующие ему художественные типы — свидетельство истинного портретного искусства. В эпических жанрах это, понятно, самое ценное, что прекрасно подтверждено и другими романами С. Залыгина.

Именно в природной смекалке, в практическом умении человека тягаться, по концепции романа, психологические истоки длительного успеха новой экономической политики. Все это — в духе ленинского представления о нэпе.

Сомнения, горячее отвержение, ядовитый скепсис, гадкий цинизм, извращенный взгляд на личность в необычной ситуации неизбежны (сколько же в романе живых человеческих иллюстраций на эти темы!), но куда сильнее звучит здесь центральная, сквозная мысль: успех великого дела вырастает из доверия к грузинскому, из конкретного понимания его реальных, каждодневных интересов и поступков.

«Интеллектуализм» романа — против пустопорожних умствований насчет мужикской судьбы и народной души. Уполномоченный уголовного розыска Степан, весьма своеобразная личность, отвергает пустое теоретизирование. Он говорит в адрес троцкистов: «Вы всю жизнь, сколько существуете, клянетесь в любви к народу, приносите ему жертвы, а потом вдруг выясняется, что теории народного устройства вам дороже самого народа».

Мысли истинные и ложные, люди, переполненные чувством страха и даже ужаса (культ которого исповедует больной Иван Ипполитович, вообразивший своим оппонентом Достоевского), и свободные от этого чувства, «бывшие», спасаемые, как Корнилов, от отчаяния, а затем постепенно и от социальной слепоты верой в Россию, крупные личности. «Выламывающиеся» из духовного состояния, естественного для их прежней сословной принадлежности, — все вбирал нэп, корректировал, редко отбрасывал, а чаще мудро использовал для своих исторических нужд.

Откуда такая энергия нэпа? Откуда его жизнедеятельные силы? Роман дает замечательный ответ: нэп не только тактика, но и стратегия социализма, не случайно найденная, на историческое мгновение спасительная полумера, а естественное явление, обоснованное законами ленинской социальной диалектики. И потому нэп заслуживает не одних картинок с господами в цилиндрах, с ресторанным канканом и купеческим ухарством, со всем, что прямо призвано лишь сказать, как мнима, иллюзорна прочность нового быта.

Нэп — одна из неизбежных экономических форм, и она не уводила от социализма, а вела к нему. В этом его серьезность и сила, в этом и причина серьезности и исключительной сосредоточенности романиста на исследовании паразитического исторического материала. Его реальному богатству радуешься, но не удивляешься: у автора «Соленой падьи» и «Комиссии» оно не могло быть неожиданным.

П. НИКОЛАЕВ